

Мы же словно дворовые собаки, сильнее привязываемся к тем, кто нас недолюбливает. Так и живем, пока в один жуткий день не обнаружим, что привязаны за поводок к столбу.

Окружающий мир не настолько мирный, каким кажется на первый взгляд, зачастую он холоден, зол и опасен, особенно, когда нет дома, где можно укрыться от невзгод. Чтобы сохранить доброту, при всей злости обстоятельств, необходимо быть сильным, а чтобы быть сильным, необходимо любить свободу больше, чем все остальное. Ведь любовь к себе — это и есть умение выбирать свободу! Когда ты себя любишь, ты точно знаешь, чего

хочешь, и идешь или бежишь к собственному будущему, как Шарик, без шума сомнения в голове, принимая себя таким, какой есть. Вся гениальная философия Шарика заключается в том, что он любит не мир вокруг себя, а себя в этом мире. Он наполняет собой этот мир, получая удовольствие от жизни и любит себя в любви своем проявлении.

Жениться или не жениться

— Она тебя любит.

— Да, но странно как-то. То ласковая, то раздраженная, рычит и фыркает абсолютно без повода.

— Оставь человека в покое, женись на ней.

— Жениться? Я думал об этом, но свобода дороже, — взглянул Шарик в осеннее небо, потом на Бобика. Что тот мог знать о настоящей любви? Ничего... Значит, и с настоящей свободой он не был знаком, потому что любовь, она нос к носу со свободой. Так и рычат друг на друга, пока кто-нибудь не зарычит, не откусит.

— Не знаю, дом есть дом. Там тепло, там харч, там кровать, там ждут, — посмо-

трел Бобик сентиментально на Шарика, который казалось не слушал и бежал с гордо поднятой головой, ей не хотелось никаких отношений.

– Ну будь я сейчас женат, разве могли бы мы с тобой вот так сейчас бежать по утрам?

– Но я же могу.

– Ты просто кремень. Я даже не знаю, какая дружба смогла бы меня выгнать из теплой семейной постели в такую рань.

– Крепкая.

– Нет, Бобик, ты что-то путаешь, это человек собаке друг, а кобели нет, потому что дружба наша до первой сучки.

Шарик огляделся по сторонам, сучек не было, и можно было дружить дальше. Обычная утренняя разминка подходила к концу. Сделав круг, собаки оказались у выхода из парка.

– Может, заглянешь к нам? Мина тебя давно не видела.

— Нет, Боб, не могу, дел сегодня по горло, — соврал Шарик, едва вспомнил мину подружки Бобика. Мина замедленного действия.

— Ну смотри, тогда до завтра!

— Или до послезавтра.

Разбежались Бобик и Шарик, каждый по своим делам. Хотя по делам — это громко сказано, дело у Шарика было одно, максимум — два.

Ешь, люби, спи

«Жрать хочется, да и секс был бы не лишним, что же все-таки на первом месте: жратва или размножение? Надо Фрейда перечитать. Блин, где же я вчера кость закопал? Так... В этом бачке нашел, потом подрался из-за нее с Тузиком вот здесь. В этом углу я его мутузил! Так, потом побежал в парк, где-то на клумбе у памятника... — рассуждал

про себя Шарик. — Здесь у нас кто? Пушкин, нет, тот был лысый... А, вот он! Узнаю клумбу... О-о-о!» — начал рыть землю Шарик. Когда он уже облизывал кость, к нему подбежала еще одна дворняга:

— Здравствуй, Шарик!

— Привет, Карма, — поцеловались.

«Чем от нее так воняет? Опять она зубы не почистила!» — опустил он голову, чтобы не слышать этого запаха и двинул лапой вперед кость.

— Грызть будешь? У меня тут говядина, прошу к столу! Что ты нос воротишь? Кость-то совсем свежая, я ее вчера нашел.

— Ты такой гостеприимный, Шарик.

«Поздно», — подумал он про себя, понюхав у Кармы под хвостом. «Зря только косточку потратил. Ну, ладно, как-нибудь в другой раз... вот бабы, знают же, что продолжения не будет, но от ужина никогда не откажутся». Женщины всегда делились для него на три большие груп-

пы, первые, доверчивые, которые жили верой в светлое будущее, вторые, что уже потеряли веру и довольствовались надеждой, в третью группу входили те, что любили, любили его. Входили и выходили. Торча в своем одиночестве, он упорно делил их на группы, не отдавая отчета себе в том, что женщины не умеют делиться. Шарик оставил Карму за столом и побежал дальше, на поиски еды.

«Где бы мне пожрать?» — перебежали впереди него дорогу мысли. «Куда ты прешь, урод, на своем Опеле. Что ты орешь? Я даже слова такого не знаю — шелудивый. Нет, не надоело еще. И как бы она мне не надоела, моя жизнь, я сам разберусь с ней, в крайнем случае, терять ее под твоим корытгом точно не хотелось бы. Разуй глаза! Не видишь, зеленый мне горит!» — продолжал рычать про себя Шарик.

«Может, к Мухе? У нее всегда была заправка. Так трудно бегать на голодный же-

лудок, старею, что ли? Да нет, показались...» — прибавил он ходу.

— Шарик! — бросилась на грудь ему лохматая рыжая сука.

— Муха, привет! (поцеловались) «И от тебя как от Кармы воняет, вчера в одной помойке рылись что ли?» — промолчал Шарик. — Есть че пожрать, а то я на этой неделе не завтракал... Слушай, давай потом эти игры, — отстранился он от мухиной привязанности. — Дай сначала червячка заморить...

— Макароны будешь?

— Да, сойдет! А соус есть? — набросился пес на еду. — Кстати, ты не знаешь, что такое шелудивый, — при виде соуса, вспомнил красную морду водителя «Опеля» Шарик.

— Шелудивный? Не, не знаю, мне кажется от слова дивный — блеснула филологическая искра в голове Мухи.

— А вот мне так не показалось, хотя я не против, — метал макароны Шарик.

— Мне все время говорят, что я хорошо сохранилась. — умилялась его аппетитом Муха. В душе она все же мечтала, чтобы он так же набросился на нее. — Как ты думаешь, льстят?

— А они как выглядят? — не отрываясь от миски Шарик, которая в свою очередь делала его голос еще более проникновенным.

— Тебе честно сказать?

— Нет, честно скажи им. Тогда ты точно узнаешь, льстят или нет.

— А ты где сейчас живешь? — продолжала вертеть перед ним хвостом Муха.

— В бочке из-под коньяка.

— Я смотрю выдержанный стал, помудрел, что ли.

— Ага, как Диоген.

— Кто это?

— Древнегреческий философ, который жил в бочке.

— Значит, ты не одинок.

– Нет, не одинок, там столько ароматов, ведь для коньяка были отобраны лучшие сорта винограда.

– У кого?

– Думай, что говоришь.

– Зачем мне думать, когда хочется просто поговорить.

– С тобой невозможно, Муха. Дай, поешь спокойно, – не отрывая морду от тарелки, повернулся к ней задом Шарик.

– Да ешь, кто тебе не дает.

«Кто мне только не дает», – про себя пробурчал Шарик.

Муха же ненадолго оставила его в покое и попыталась занять себя чем-нибудь, напевая бархатным голоском: «Как же мне хочется, как же мне хочется вам насолить. Я не злопамятна, это все одиночество, на которое вы меня обрекли».

– Шарик, я давно хотела тебя спросить.

«Черт! – огрызнулся тот про себя. – Сейчас начнет разводить на чувства.

Ну что за дурацкая женская привычка, лезть в душу на голодный желудок».

— Ты никогда не хотел быть человеком?

— Хотел, конечно, хотел... только расхотел, после того как прочел «Собачье сердце».

— О чем книга? — лениво спросила Муха, всем своим видом демонстрируя равнодушие к литературе.

— О полном распаде иллюзий. После этой книги вижу один и тот же сон.

— И что там? — заинтересовалась Муха.

— Кот.

— Кот? — чихнула Муха.

— Ты не простыла? — сверкнули заботой зрачки Шарика.

— Нет, у меня на кошек аллергия.

— А кот не простой, говорящий, — убрал последнюю макаронину Шарик, облизнулся и положил морду рядом с миской.

— И с кем же он говорит? — еще раз чихнула Муха и виновато зажмурилась.

— Со своим хозяином.

— А-а, — понимающе завывла Муха, — это значит, что ты как всякая собака, в поиске хозяина.

— Да, только у этого хозяина моя душа.

— Черт, как все запутано, дай подумать... Значит, в прошлой жизни ты был человеком, а в следующей будешь котом.

— Этого мне только не хватало.

— Да, нежности тебе всегда не хватало.

— Ну, по крайней мере будет повод жить долго, — не слушал ее Шарик. Он закрыл глаза и задремал.

«Какая из жизней сработает на этот раз? — думал про себя Шарик. — Если политика ушла в бизнес, старики требуют реставрации, средний класс обнищал, молодежь подседа на алкоголь, наркота, изолирует их от подлинных переживаний души и тела. Артисты художники писатели — фуфел, культивирующие стеб и цинизм. При низком уровне жизни, низок и уровень духа,

хотя цинизм — это не плохо, в нем гораздо больше правдивого, чем в демократии, чем в либералах, ставших консерваторами, удерживая власть. Только хочется спросить у них: а что в консервах? — тушеное мясо рабочей силы, из него можно приготовить любое блюдо, лишь бы хватило водки, люди будут бухать и пахать, на то они и созданы. Уважение, где оно? Хотя бы к себе самому, люди готовы отдаться за несколько сотен, за несколько макаронин. — Посмотрел на пустую миску Шарик. — Фигурально, а некоторые даже на полном серьезе готовы. Что же сделало нас скотом, таких чувствительных и разумных? Что?»

Я хочу тебя

Никогда не говори ей «Ты мне нужна». Женщине надоело быть нужной, она хочет быть любимой и желанной. Вспомнил

он наказ старого придворного пса, едва заметил на горизонте незнакомку. С тех пор он взял за привычку начинать знакомство с фразы: «Я хочу тебя». Надо сказать, что срабатывало не всегда, но определенную уверенность вселяла.

— Я хочу тебя, — начал было он очередное знакомство, но сразу же понял, что не к месту. Молчание было ему ответом.

— Ты чего скулишь? — понюхал Шарик незнакомку. «Из породистых», — сразу определил он, изучая ее ошейник со стразами. «Шерсть лоснится и блестит как шелк, а запах какой? С ума сойти».

— Хозяин ударил. Да нет, не туда, по морде!

— Извини, привычка. За что? — обошел он незнакомку и преданно посмотрел ей в глаза.

— Мужчина подошел, дал конфету, погладил по голове, я взяла. Это его